

24 АВГ 1973

ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ
МОСКВА

мастера
искусств
о себе

РОССИЯ ПОМОГАЕТ

Людмила ЗЫКИНА,

народная артистка СССР,
лауреат Ленинской премии

ных песен, заплачек, шуток. Легко запоминала она и новые песни, звучавшие по радио в исполнении народных хоров и его солистов, песни о Москве, созданные и петье Ольгой Ковалевой. Мать тоже пела хорошо, нежно. И отца моего они приняли в дом по главному для них принципу — он понимал пение и пел, как птица — когда грустно и когда радостно.

Бывало, соберутся у нас в доме соседи — без повода, даже не в праздничный день — и говорят: давайте, Зыкны, петь. И как же пели, какими соловьями разливались! Бабка замолчит, вступит мать, отец ей вторит, потом я подпевать начала. И старшие мои — все мастера пения, останавливались, чтоб послушать девчонку — уважали песню. Не было у нас такого в доме, чтобы поющего перебили, не дослушали, помешали ему вылить в песне всего себя. У нас поющий всегда считался исповедующимся, что ли. Открывающим людям себя, свое размышление о жизни.

Как у нас в доме пели? Как бабка Василиса учила. На Рязанщине это называется «петь волнами» — легкая вибрация украшает каждый звук, мелодия кажется от этого кружевной. В русских

деревнях — даже и на Урале, в Сибири — часто встретишь подобную манеру. Думаю, что она родилась в общении с полем, рекой, работой на земле: песня дает ритм труду, труд — песне.

У нас в Черемушках был совхозный клуб, я стала туда ходить, заниматься там в хоре. Это было в тот горький период моей юности, когда после тяжелой болезни я на несколько месяцев «потеряла большой голос» и ушла из хора имени Пятницкого, куда была принята. Совхозный клуб многое мне дал, помог восстановить возможности голоса, но главное — помог почувствовать мою будущую «сквозную тему» в искусстве. Я не думала о том, стану ли когда-нибудь большой певицей, даже смогу ли быть солисткой, но точно отдавала себе отчет в том, что именно интересует меня в искусстве.

Расширяя свои познания о русской и советской песне, о ее необыкновенной способно-

стей области, на одном из концертов в каком-то малом сельском клубе я вдруг увидела лицо, очень напоминавшее мне близкую подругу моей матери, черемушкинскую доярку. И это был счастливый вечер — я пела этой женщине, ей одной: «Ты все смогла, моя Россия...».

Женская тема, а если точнее, локальное — крестьянская женская тема, давно стала для меня главной. К отбору новых вещей я стараюсь подходить особенно строго и включаю их в свой репертуар только тогда, когда они мне близки по содержанию, по характеру стиха, по музыкальной основе мелодии, связанной с русскими народными интонациями. Возишь с собой, «в себе» новое произведение, видишь людей, их великий труд, их заботы и словно спрашиваешь у них: нужна ли вам будет эта песня?

Я люблю слушать нынешний песенный сельский фольклор — и теперь в нем есть много своеобразного, яркого, отражающего живую жизнь колхозной деревни с ее великой новью. Бывают интересные встречи с самодельными певцами и композиторами. Нередко я исполняю их песни. Так, долгое

ин. И старинный городской романс. И историческая баллада. И деревенские плачи, частушки, причеты, скоморошины. Все эти реки и речки слились в одном общем море — советской песне, которая благодаря своим мощным корням может решить любую тему в разных жанрах.

И все-таки... К какой бы теме, к какой бы песенной форме, к какому бы сюжету я ни обратилась, часто вспоминаю бабину «Родила я сына в поле...». Эта баба имеет для меня особый смысл: родила песню в поле, родила ее на природе. У нас дома пели не только вечерами, но и днем — убирая, стирая, копая огород, отправляясь в лес, по воду, белье на реку полоскать, и на прополке пели, и на жатве. Здесь вроде человек один совсем и не один: он и его работа, он и природа. Возникает какое-то невидимое отражение, словно бы заглядываешь в зеркало, а там целый мир поет с тобой.

С детства — от бабки и матери — люблю петь вот так, на природе и без аккомпанеента, негромко. «Про себя» и про себя. Часто так начинаю первые пробы песни. А в старину-то ведь только так и пели. Когда я прочла у Тургенева в «Певцах» про пение Яшки: «Он пел, и от каждого звука его голоса веяло чем-то родным и необозримо широким, словно знакомая степь раскрывалась перед вами, уходя в бесконечную даль», то я сразу поняла, что этот Яшка часто пел в степи один, шел, не разбирая дороги, и пел. Может, тихо совсем, а может, во весь голос.

Вообще для певца очень важно любить и уметь петь одному, без сопровождения: ведь когда поешь одна, то всегда стараешься прислушиваться к своему голосу, а когда вслушиваешься в него, то ищешь какие-то новые краски, тот тембр и ту окраску, которые бы тебе самой нравились, грели бы сердце. Однажды на рассвете в летнем лесу под Москвой возле Опалихи я пела очень тихо. А вечером девушки, работавшие на ближнем поле, сказали мне, что слышали каждый мой звук. Лесок-то был березовый! Когда возле берез поешь чуть не шепотом, голос кажется звонким. А в еловом лесу — приглушенным. Где травы высокие, голос звучит мягче. Если дождей давно не было, сушь стоит, то у песни четкое эхо. А после дождя отзыв будто размыт, как акварельное... водяное — изображение... Когда пою на природе — в лесу, или в поле, или над рекой, — думаю: вся земля тебе петь помогает, и то, что ты видишь во время своей репетиции, остается в песне, сохраняется ею, даже если она и не о природе все и переклика с пейзажем в ней нет. Россия помогает. По существу, в этих словах слиты моя тема и мой метод.

О СТАЛОСЬ во мне навсегда давнишнее детское впечатление. Ранний летний вечер — сиреневые сумерки без ветра и шороха. На крылечке нашего дома в подмосковных Черемушках сидит моя бабка Василиса, гладит меня по голове и задумчиво поет сложенную ею песню:

Родила я сына в поле,
Дайте счастья ему,
дайте доли...

Я замолкала, когда начиналось медленное, с придыханиями и долгими паузами, пространное, как равнина, пение, и видела вявяе ржаное, высокое, скрывающее человека поле и жницу, лежащую возле межи с мальцом на руке. С той детской моей поры прошло много лет. Сколько песен узнала и спела я о крестьянском труде, о жизни на земле! Да и где только они не звучали — на полевых станах, в колхозных клубах и дворцах культуры, в донских и кубанских станицах, в селах Сибири и Подмосковья. Пела веселые, легкие, радостные современные советские песни и старинные, чаще грустные, долгие, слезные. Новь и старина совмещались и тем самым будто соединяли звенья исторических эпох. Это совмещение, особую его силу поняла я еще девочкой.

Старейшина дома, любимая моя бабушка, была родом из песенного села на Рязанщине и знала сотни припевов, частушек, свадебных, хоровод-

сти отражать во всей сложности явления жизни на протяжении истории, «вбирать» в себя особенности национального характера, я прониклась любовью к русским женщинам, к их судьбам, в которых отражаются судьбы Родины. Русская женщина никогда не была для меня отвлеченным понятием: это и бабка моя, песенница, и мать, ее сверстницы и подруги, вынесшие на своих плечах всю тяжесть сельской военной страды. И отчего-то именно их дорогие лица я вижу перед собой и теперь, когда готовлю новую вещь или целую программу: последнее лето войны, август 1944 года, в нашем совхозе убирают урожай, работают с утра дотемна под раскаленным солнцем, а вечерами еще и поют. И откуда силы доставало на песню? Наверное, третье дыхание приходило — первые-то два нужны были в работе.

Прошлой осенью, во время гастролей моих в Ярослав-

ремя жила в моем репертуаре «Перепелочка» баяниста из-под Новосибирска Николая Кудрина. Чем она увлекла меня? Неподобность на выработавшийся песенный трафарет. Откуда же эта неподобность? Вероятно, от особой — тесной — связи с тем, кому эта песня адресована... Когда я включила в свои программы «Сибирский лен» Виктора Бокова и Николая Кутузова, то часто вспоминала и Кудрина с его «Перепелочкой»: казалось, сибирячки-льноводы, осваивавшие новую для себя колхозную специальность (это об одной из них говорилось в песне Бокова и Кутузова), стали мне более понятны и близки благодаря Кудрину.

Сквозная тема в искусстве вовсе не означает однобокости, одноплановости. Работая над новыми вещами, я задаю себе вопрос: что же это такое — влияние народной песенности? Можно ли свести это понятие только к одному признаку — похожести на крестьянскую песенную интонацию? Нет, конечно. Народная песня — это и марши революций, великие песни борьбы, огласившие собой казематы и каторжные темницы. И похожие на жалобный стон печальные песни фабрично-заводских окра-